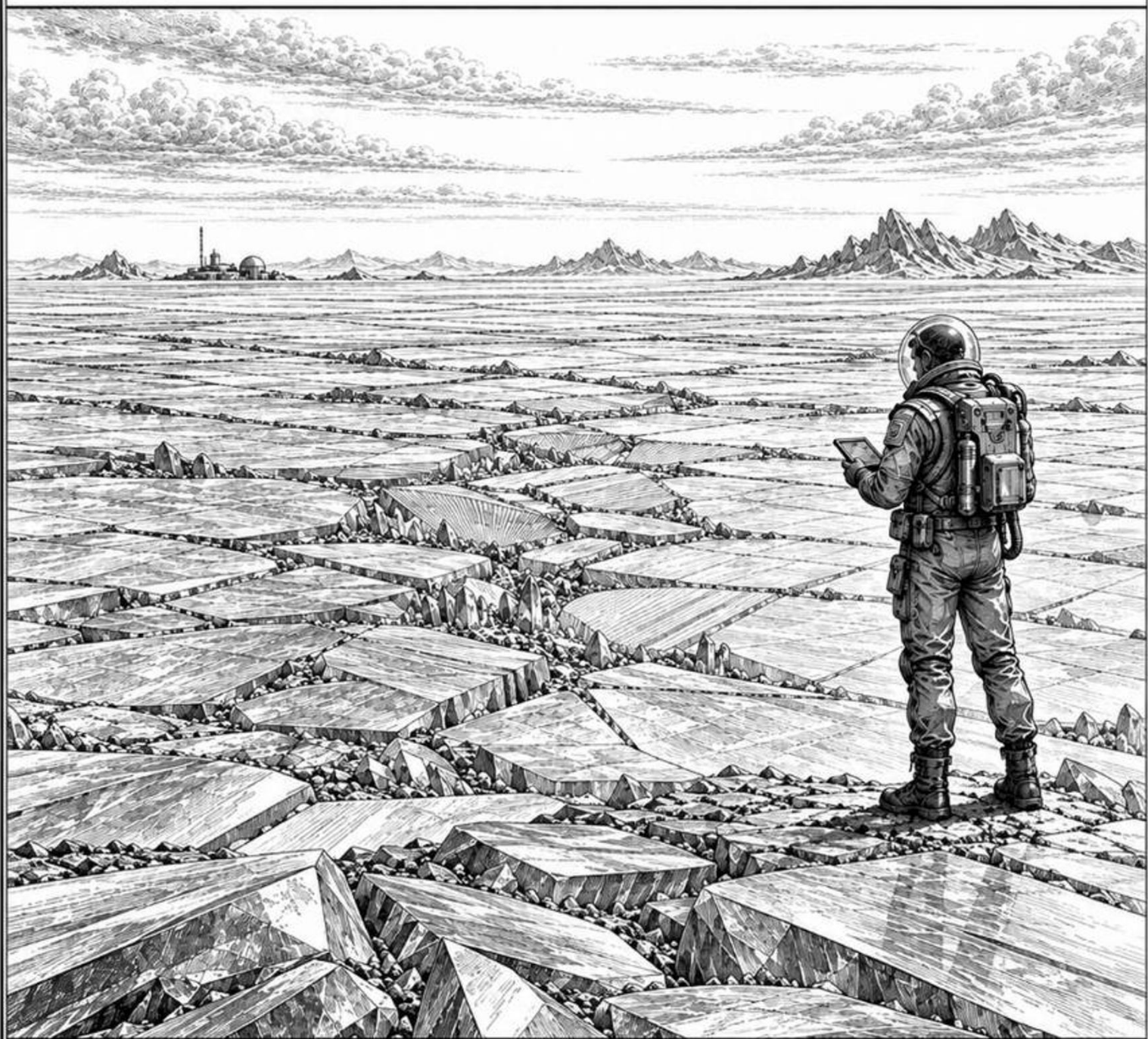

СЕРГЕЙ ЛАРИН

КРИСТАЛЛИЧЕСКИЙ ЛЕГИОН

КНИГА ТРЕТЬЯ

НАСЛЕДНИКИ

Сергей Ларин

Кристаллический легион
книга 3 наследники

«Автор»

2026

Ларин С.

Кристаллический легион книга 3 наследники / С. Ларин —
«Автор», 2026

Экспедиция Андрея Волкова стала историей. Человеческие поселения выбирают разные пути: меняют технологии, общественное устройство и даже способы существования личности. Общее происхождение уже не гарантирует взаимного понимания. Когда древняя система обнаруживает новое изменение, исследователи ищут источник угрозы — и находят вопрос о будущем самого человечества. За десятилетиями проходят столетия. Наследники первого контакта строят связи с чужими цивилизациями и сталкиваются с явлениями, для которых ещё нет подходящих слов. Созданный ими способ общения начинает проявлять собственные свойства. Чтобы разобраться в происходящем, приходится вернуться к RS-417 и заново прочитать записи первого экипажа. «Наследники» — заключительная книга научно-фантастической трилогии «Кристаллический Легион».

© Ларин С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Наследники	7
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сергей Ларин

Кристаллический легион

книга 3 наследники

Сергей Ларин

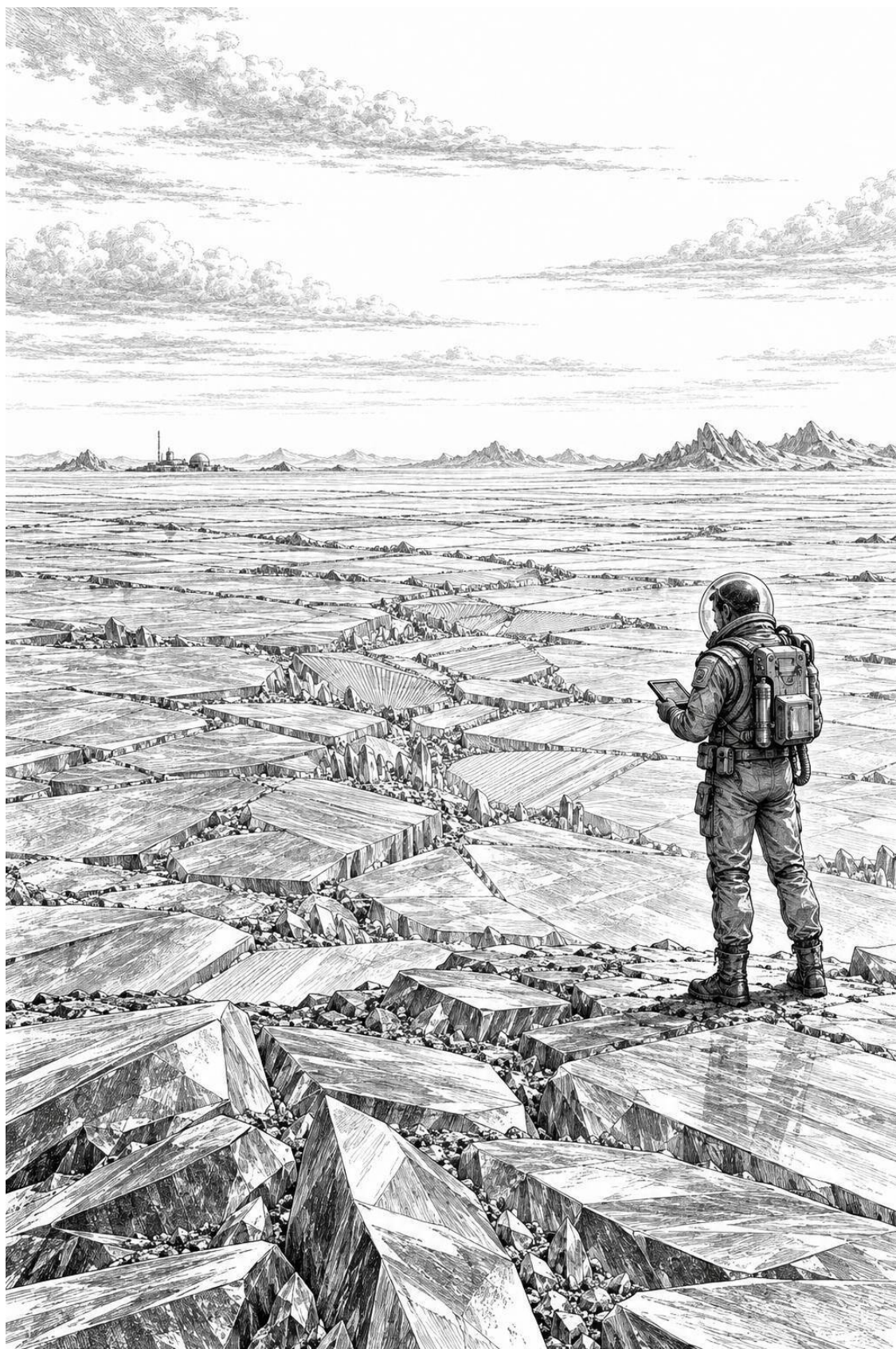
Кристаллический Легион

Книга третья

Наследники

«Вечная загадка мира — его постижимость».

Альберт Эйнштейн

Глава 1. Наследники

Сообщение пришло через девятнадцать дней после того, как Волков закрыл свой журнал. Утром он разбирался с кофейной машиной. Второй раз за неделю она отказывалась признавать новый фильтр, и это начинало походить на принципиальное разногласие. Терминал подал сигнал.

— Если опять обновление системы, обойдётся без меня.

Сигнал повторился. Другой, давно не звучавший: приоритетный канал программы «Тантал». На экране появились строки:

«X23. Событие класса N. Область наблюдаемого изменения: N2. Требуется определение наблюдателя N».

Волков долго смотрел на сообщение.

— Конечно.

Вселенная всё-таки дождалась, пока он закроет журнал.

Через двадцать минут позвонила Елена Рощина — новый руководитель группы SOL-GA1. Он видел её на записях заседаний. Именно её команда обнаружила ошибку в старой интерпретации данных «Тантала».

— Андрей Сергеевич, простите за ранний вызов.

— Я уже видел.

— Тогда понимаете причину.

— Нет. Я прочитал сообщение. Это ещё не причина звонить мне.

Она на секунду отвела взгляд.

— Совет считает иначе.

— Совет не видел мою кофейную машину. Расскажите, что произошло.

Обозначение N2 давно требовало пояснения. В первых опытах так называли режим наблюдения, а не найденную в пространстве вещь. Позже удалось выделить устойчивую область изменений, связанную с этим режимом. Сокращение перешло в каталоги, затем в разговоры. Люди говорили «N2 молчит» так, будто речь шла о приборе с выключенным передатчиком. Больше тридцати лет там не замечали существенной динамики. Теперь один из параметров начал медленно уменьшаться.

— Мы называем это R-сдвигом, — сказала Рощина. — Параметр получен при сравнении моделей с C-117. Его рабочая интерпретация — доступность альтернативных отношений. Абсолютного числа этих отношений у нас нет. Есть воспроизводимое изменение измеряемой величины.

— Слово «рабочая» мне нравится больше, чем название сдвига.

Она вывела график. После учёта задержек наблюдения данные разных станций согласовывались. X23 обнаружил изменение раньше; его пакет шёл к Земле почти двадцать часов. Собственная система группы подтвердила тенденцию шесть часов назад. При сохранении нынешней скорости параметр должен был достичь нижнего предела измерения примерно через сорок три дня.

— Что произойдёт тогда?

— Не знаем.

— А в новостях уже есть обратный отсчёт?

— Пока нет.

— Постарайтесь не опоздать с объяснением.

На первый пакет вопросов ответ ещё не пришёл. Рощина показала исходное сообщение целиком. В уточнении X23 значилось: N2 — область наблюдаемого изменения; источник нельзя указать без выбора наблюдателя. Волков прочитал дважды.

— Сколько вам лет, Елена?

— Тридцать четыре.

«Тантал» вернулся за девять лет до её рождения. Для неё экспедиция всегда была историей, доступной в записях. Она не помнила времени, когда Х23 ещё не существовал в человеческой картине мира.

— Значит, группа должна разбираться сама, — сказал Волков.

— Мы прочитали ваши отчёты.

— Надеюсь, не только выводы.

— Вы действительно не хотите участвовать?

Он хотел. Уже потянулся увеличить график, уже заметил участок, который стоило проверить другим способом. Ответить было труднее, чем он рассчитывал.

— Я могу читать ваши материалы. Но руководить этим исследованием не буду. И не начинайте с вопроса, как поступили бы мы.

— А С-117?

— Что с ней?

— Предлагают сразу запросить их объяснение.

— Если срочной угрозы не обнаружено, сначала зафиксируйте собственные гипотезы. Потом сравните. Решение ваше.

Рощина чуть улыбнулась.

— Спросить совета у вас оказалось непросто.

— Кравцов рассказал бы хуже.

После разговора Волков вернулся на кухню. Кофейная машина снова сообщила об ошибке фильтра.

— А вот с тобой я готов вмешаться.

* * *

В группе Рощиной работали девять человек. Старшему был сорок один. Никто не участвовал в исходной программе, но все знали, сколько труда скрывается за коротким словом «неизвестно» в её отчётах. Инженер Пак первым предложил простой вариант:

— Выберем наблюдателем датчик. У датчика хотя бы нет политических взглядов.

— Зато есть калибровка, — ответил математик Давид Исаев.

Вопросы Х23 отправляли пакетами. Каждый обмен обычным радио занимал около сорока часов; за время ожидания успевали проверить несколько вариантов и отказаться от большей части. Определение пришло во втором пакете:

«Наблюдатель — система, относительно которой различие может быть определено. Разумность не обязательна. Измерительный прибор подходит только тогда, когда его состояние включено в определение наблюдаемого различия».

Солнце, Земля, центр масс системы, SOL-GA1 давали разные представления события, но не позволяли устойчиво выделить источник. Исаев заметил, что они по привычке выбирают отдельные объекты, хотя определение Х23 этого не требует.

— А если сравнить N2 с множеством состояний, которые наша модель допускает для него? — спросил он. — Наблюдатель тогда будет задан отношением, а не координатой.

Рощина попросила сначала определить это без помощи Х23. Потребовалось два дня. Только после проверки размерностей, границ и зависимости результата от выбранной модели запрос ушёл наружу. Ответ был коротким:

«Допустимо. В данном описании источник определяется как Н».

Пак встал из-за стола.

— Мы больше тридцати лет ничего с ним не делали.

— С областью N2, — поправила Рощина. — А Н за это время изменилась.

На карте человеческих поселений появились новые слои: транспортная совместимость, способы подтверждения личности, биологические ограничения, правила хранения памяти. Политические границы почти нигде не совпадали с техническими.

Часть обществ отказывалась от транспорта. Другие изменяли собственную физиологию. На Леде одна юридическая личность могла пользоваться несколькими одновременно действующими носителями. В некоторых поселениях такое описание вообще не имело смысла. Отличаться люди умели всё лучше. Возвращаться к разговору после изменений получалось не всегда.

X23 предложил интерпретацию R-сдвига как уменьшения числа взаимно доступных будущих состояний Н. Это не было измерением общественного согласия. Между наблюдаемым физическим параметром и сложной историей поселений ещё предстояло найти механизм.

— Получается, человечество распадается? — спросил Пак.

Исаев покачал головой:

— Пока получается, что древняя классификация перестаёт описывать его как одну связанную конфигурацию.

Рощина позвонила Волкову. Он выслушал, затем спросил:

— Как вы сформулировали проблему?

— Н теряет связность.

— И теперь ищите, как её вернуть?

Она промолчала.

— Сначала выясните, что именно будет потеряно, — сказал он. — Одна цивилизация может стать несколькими. От этого не обязательно кто-нибудь погибнет. А вот лишиться лечения, связи с близкими или возможности уйти из навязанного состояния — вполне конкретная беда.

В следующий отчёт Рощина включила два разных вопроса: какие функции могут нарушиться и какие формы единства люди просто привыкли считать обязательными. До условной границы оставалось меньше месяца. Список непосредственных угроз был пуст. Список нерешённых вопросов занимал четыре страницы.

* * *

Одним из первых адресатов стала Астерия. Поселение давно сократило внешние связи, а недавно закрыло последний постоянный двусторонний канал. Там опасались зависимости от общей транспортной инфраструктуры и земных правил подтверждения личности. Рощина предложила обмен без подключения к сети: короткие пакеты обычной связью, с заранее согласованным правом не продолжать. Астерия восстановила узкий канал. Её исследователи уже заметили изменение N2. Они прислали четыре вывода. Три почти совпадали с земными. Четвёртый касался наследования ограничений.

Земной проект предполагал, что новое общество сохраняет процедуру проверки, созданную предыдущим. Астерия возражала: процедура тоже содержит чужие предположения. Потомкам нужны данные, известные риски и причины решения, чтобы при необходимости создать собственную проверку.

— Это слабее готового запрета, — сказал Пак.

— И может оказаться полезнее после смены технологии, — ответил Исаев. — Запрет без основания однажды просто снимут.

Рощина добавила к проекту обязательное сохранение контекста. Это не отменяло действующих ограничений и ответственности за вред другим. Но отличало временное правило от требования подчиняться ему навсегда. Затем пришло возражение Леды. Сообщение подписали девять носителей одной личности.

«Можно сохранять канал, не сохраняя возможности реального взаимодействия. Мы называем это музейным контактом».

Пак посмотрел на подпись, потом на текст.

— То есть здороваться недостаточно?

— Для этой модели — недостаточно, — сказала Рощина. — Но обязательства меняться ради собеседника тоже нет.

После восстановления канала Астерии спад на графике N2 немного замедлился. Позднее появились ещё два изменения, по времени совместимые с перестройкой межпоселенческих связей. Поправки на распространение сигналов и неопределённость самого механизма не позволяли связать их с минутой подписания какого-либо текста. В отчёте записали корреляцию. Фразу «N2 реагирует на согласие» Рощина вычеркнула.

— Ты запрещаешь нам радоваться, — заметил Пак.

— Радоваться можно. Для вывода данных пока мало.

Вопрос о полном отделении оказался труднее технических. Пак считал право выхода очевидным. Исаев спросил, может ли одно поколение уничтожить возможность возвращения для всех следующих.

— Тогда любой необратимый выбор запрещён, — возразил Пак.

— Не запрещён, — сказала Рощина. — Но нужно понимать, что именно ты выбираешь за тех, кто ещё не может ответить.

В середине этих споров пришло старое сообщение Нового Тихого. Поселение почти не пользовалось древними маршрутами; пакет шёл обычной межзвёздной связью и был отправлен за несколько лет до нынешних событий.

Они просили разработать простой открытый способ восстановления контакта на случай утраты современных стандартов. От постоянной связи отказывались. Возможность однажды начать снова хотели оставить. Исаев улыбнулся:

— Насос Ветрова.

Рощина поняла. Сохранить следовало не конкретное оборудование, а способ восстановить нужную функцию после его исчезновения.

Так началась работа над R-COM — восстановимой связью. В базовый пакет вошли физические меры, элементарная математика, способы указать происхождение, подтвердить намерение разговаривать и проверить, как стороны обозначают отказ. Сведения о происхождении служили предметом проверки, а не паролем, автоматически дающим доверие.

— Межзвёздный аварийный телефон, — сказал Пак.

Астерия согласилась участвовать при условии, что сохранение телефона не создаёт обязанности снимать трубку.

Кассини отвергла готовый протокол. Её представители считали, что потомки должны сами построить дверь, если захотят. После долгого обмена они согласились сохранить описание причин появления R-COM и требования к восстановлению связи.

— Половина моста, — сказал Пак.

— Карта места, где мост когда-то был, — ответил Исаев.

Леда добавила ещё одну возможность: устанавливать контакт, не решая заранее, остаются ли стороны частями общего человечества. Иногда разговор следовало начинать именно с этого вопроса.

За месяцы работы сформировалось семейство протоколов. Одни общества принимали земную версию, другие переписывали её, третьи сохраняли только основания. Совместимость проверяли на конкретных обменах. Разнообразие само по себе не гарантировало устойчивости. Тем временем R-сдвиг замедлился. Линейная экстраполяция отодвинула расчётный срок достижения нижней границы сначала на месяцы, затем почти на три года. Совет предложил показывать срок как главный результат программы. Рощина отказалась.

— Мы не знаем, что произойдёт у нижней границы. Нельзя превращать расстояние до неё в меру успеха. Иначе скоро будем улучшать график вместо связи между людьми.

Условный прогноз оставили в техническом приложении вместе с допущениями. С главного экрана обратный счёт убрали. Волков увидел запись заседания и позвонил.

— Мы любили таймеры, — сказал он. — С ними кажется, будто знаешь, что случится в нуле.

* * *

Астерия объявила о выходе из Н как общей цивилизационной идентичности.

Она сохраняла историю происхождения, действующий канал и согласованные обязательства, но больше не считала себя внутренней частью единого человеческого общества. Новое обозначение было А-1. Резкого изменения N2 не обнаружили.

Газеты назвали Астерию первой дочерней цивилизацией. Она прислала раздражённое возражение. В официальных документах закрепились её собственная формулировка: «цивилизация общего происхождения».

— Как это назвать? — спросил Пак. — Всё-таки распад?

— Можно сравнить с размножением, — сказала Рощина. — Только не выдавайте сравнение за физическую модель.

А-1 направила первый запрос в новом статусе: предложила договор о праве будущего взаимного непонимания.

Четыре положения обсуждали особенно долго. Ни одна сторона не обязана сохранять понятность для другой. Утрата понимания сама по себе не означает враждебности. После долгого перерыва можно познакомиться заново, не восстанавливая прежнюю близость. От новой встречи разрешено отказаться.

За этими короткими формулами стояли определения, проверка полномочий, защита данных и условия пересмотра. Договор не освобождал от ответственности за причинённый вред. Не все жители Земли соглашались с ним; не все общества Н поручили Совету говорить от своего имени. Подтверждение собирали только у представителей, уполномоченных действовать от имени своих сторон. После вступления документа в силу зарегистрировали импульс N2. Приблизительный перевод звучал: «Различие сохранено».

Фраза появилась на кораблях, стенах и эмблемах поселений. А-1 попросила не использовать её как одобрение своего отделения: смысл сообщения оставался неустановленным. Рощина поддержала просьбу. Сам договор был человеческим решением. Удачным его делали последствия для участников, а не предполагаемая похвала древней структуры.

Через месяц возник спор между Марсом и Ледой. Умерла Сара Эйден, марсианская исследовательница. Девятью годами раньше она создала для длительного проекта синхронизированную ветвь когнитивного процесса на Леде. После прекращения синхронизации обе должны были жить отдельно.

Ледийская Сара заявила права на часть наследства. Для её общества субъектная история Сары не прекратилась полностью. Марсианское право считало, что после разделения возникли две независимые личности.

Обе стороны ссылались на сохранение различия. Одни видели нарушение прав живущей Сары, другие — попытку навязать Марсу чужую модель личности. Дети умершей не хотели, чтобы их семейную историю превращали в цивилизационный прецедент. Рощина положила рядом заключения обеих сторон.

— Один принцип. Противоположные решения.

— Значит, одного принципа мало — придётся разбираться дальше, — сказал Исаев.

Соглашение заключили после отдельного рассмотрения интересов всех участников. Для него не потребовалось решить, кто «настоящая Сара». Установили связь каждой претензии с конкретным имуществом и распределили его на принятых сторонами условиях. Ни Марс, ни Леда не отказались от собственной модели личности. Пак назвал это цивилизационным

адаптером. Слово оказалось полезным: можно согласовать отдельное действие, не объявляя все исходные понятия одинаковыми.

С-117 сообщила, что в её истории подобные формы взаимодействия встречались. Местный представитель отвечал в пределах доступного ему архива; за новыми сведениями отправляли физические пакеты. Далёкая планета не могла участвовать в земных заседаниях по радио без задержки. Кравцов узнал об адаптере от Волкова.

— Наконец мою работу описали прилично.

— Ты строил межцивилизационные интерфейсы?

— Электрические шкафы. Принцип похож: не обязательно переделывать всё оборудование. Иногда достаточно правильно согласовать входы и выходы.

К концу первого года R-сдвиг почти остановился. Последующий пакет X23 уже выделял четыре связанные конфигурации: Землю, Марс, А-1 и Леду. Вместе они входили в «наследственное множество Н». Это оставалось классификацией X23, а не постановлением о том, как должны называть себя живущие там люди.

— Не позволяйте ему окончательно назвать вас, — сказал Волков Рощиной. — Удобное обозначение ещё не имя.

Она сохранила замечание рядом с картой.

* * *

Проект общего правительства наследственного множества появился почти сразу. В нём были постоянные представительства, бюджет, обязательные стандарты и полномочия определять состав участников.

— Сейчас снова построим центр, — сказал Пак.

Рощина предложила более узкую организацию: поддерживать связь, хранить основания решений и помогать создавать временные соглашения. Она не должна была управлять транспортом, определять общую политику или решать, кто является настоящим наследником Н.

— R-COM с комнатой для переговоров, — сказал Пак.

«Узел наследников» создавали почти два года. Несмотря на название, единственного здания у него не было. Несколько автономных площадок хранили совместимые базовые архивы и могли восстанавливать работу друг друга.

В архив входили история происхождения, основания решений и способы начать новый обмен. Записи делали в нескольких формах, включая читаемые без прежнего программного обеспечения. Для керамики, металла, бумаги и цифровых носителей предусматривали собственные условия хранения и проверки. Ни одному материалу не приписывали вечности. Первым запросом А-1 стало требование подтвердить, что Узел не считает её частью Н.

Леда спросила, может ли одна личность быть представлена несколькими носителями. Марс предложил указывать срок действия технических решений. Пришлось менять протоколы ещё до окончания первого месяца. Пак посмотрел на список поправок.

— Он когда-нибудь будет закончен?

— Надеюсь, будет достаточно хорошо описан, — ответила Рощина, — чтобы его могли переделать без нас.

Договор Н и А-1 стали использовать как образец. А-1 потребовала сохранять различия: документ возник для конкретных сторон и не мог автоматически решать вопросы всех остальных. Постепенно появилось множество двусторонних соглашений.

Их сложность создавала новую зависимость — от системы, которая сумеет истолковать всё сразу. Вместо единственного переводчика участники использовали несколько независимых. Они сохраняли исходный текст, историю изменений и места, где точного соответствия не было.

Проверка понадобилась в договоре А-1 с S-4. Слово «согласие» скрывало разные процедуры. А-1 требовала подтверждения до изменения. S-4 признавала также оценку, которую субъект даёт после него.

— После изменения он может уже не иметь возможности отказаться от самого изменения, — сказал Исаев.

— А до него не умеет полностью оценить новое состояние, — возразил Пак, прочитав аргумент S-4.

Внешний протокол согласовывали неделями. Разделили предварительное разрешение, последующую оценку и возможность возврата. Для первых применений между этими сторонами исключили процедуры, где нельзя было ограничить существенный вред либо обеспечить приемлемый выход. Условия для необычных внутренних практик S-4 этим не определялись; общей философии личности договор не устанавливал.

Сеть росла. Ей требовалась наблюдаемость: иначе зависимость, известная нескольким соседям, могла оставаться незаметной для остальных. Создали несколько карт с разными основаниями, общими проверяемыми данными и независимыми способами анализа. При необходимости их сводили для конкретной задачи. Владение картой не давало права управлять теми, кого она описывает.

Один из таких анализов показал, что через узел Тау-Кита проходит почти сорок процентов внешних транспортных связей. Поселения и оборудование там создавали годами; удобство постепенно сделало узел критическим.

Резервные маршруты казались слишком дорогими. Спор закончился только после расчёта отказа: семь обществ теряли важные прямые связи, два — своевременный доступ к медицинским ресурсам, ещё одно за полгода входило в тяжёлый хозяйственный кризис. Копии данных могли помочь не во всех случаях; запасов и альтернативной доставки не хватало.

За пять лет долю Тау-Кита снизили до двенадцати процентов. За устойчивость заплатили оборудованием, энергией и трудом. Называть весь этот расход бесполезной неэффективностью стало труднее. Рощина рассказала Волкову о новых маршрутах. Он сидел у окна и быстро уставал, но слушал внимательно.

— Вы всё ещё считаете себя наследниками? — спросил он.

— Наверное.

— Чьими?

Она хотела ответить: вашими. Ветрова. «Тантала». Потом посмотрела на карту, где астерийские, ледийские и земные решения уже невозможно было разделить на предков и учеников.

— Друг друга.

Волков улыбнулся.

* * *

X23 перестали обнаруживать на девятом году программы Рощиной.

Сообщение пришло ночью. Пак уже проверял независимые каналы. Последний принятый маркер был обычным; после него приборы не обнаруживали ни самого объекта, ни прежней сигнатуры. Время события на месте X23 ещё уточняли с учётом расстояния.

— Он исчез? — спросила Рощина.

— Ни одно из доступных средств наблюдения больше его не обнаруживает. Различие оставим в отчёте.

Она кивнула. В этой фразе Пак был точнее многих официальных уведомлений.

Поиски не запретили. Продолжили пассивное наблюдение, проверили приборы, затем согласовали ограниченную программу зондирования. Автоматически повышать мощность и открывать старые маршруты никто не стал.

С-117 не располагала объяснением. В её переданном архиве Х23 существовал не менее двух миллионов четырёхсот тысяч земных лет. Это была нижняя оценка по свидетельствам, а не дата изготовления. История самого объекта оставалась неизвестной.

Рощина проверила, что перестало работать без него. Транспортные маршруты, R-COM, связь с С-117 и архивы продолжали действовать. Новые классификации получать было неоткуда. Некоторых консультаций не хватало. Но критические функции не остановились. Первое время исследователи по привычке готовили вопрос, затем вспоминали, что отправлять его некому. В открытом архиве создали три раздела: установленное, предполагаемое и неизвестное. Последний оказался самым большим.

Через месяц приняли слабую структуру из района SOL-GA1. Приблизительный перевод звучал: «Передача завершена». Подписи не было. Источник нельзя было отождествить с Х23.

— Ответим? — спросил Пак.

Рощина посмотрела на оригинал и варианты перевода.

— Сначала сохраним. Здесь нет различимого запроса. Оснований открывать ради него новый канал пока тоже нет.

Волков выслушал рассказ поздно вечером.

— Если передача завершена, — сказал он, — это ещё не значит, что всё передано.

Она ждала продолжения.

— Остальное придётся искать самим.

Через несколько месяцев S-4 предложила перенос носителя распределённой личности. Разногласия возникли ещё до опыта: Леда, Марс и S-4 по-разному определяли границу участника. Раньше кто-нибудь обязательно отправил бы вопрос Х23. Теперь составили собственную проверку, учитывающую несколько моделей и отдельное подтверждение согласия для каждого участвующего контура. После переноса один из носителей сообщил, что не считает себя вернувшимся в прежнюю общую личность.

Дальнейшую синхронизацию остановили. Участнику обеспечили независимую поддержку и возможность не продолжать процедуру. Его сообщение не доказывало правильность марсианской философии, но было достаточным основанием не объявлять опыт безопасным. Позднее С-117 прислала сходный пример из своей истории.

— Приятно, — сказала Рощина. — Но решение уже принято.

* * *

В Архиве восстановления появлялись материалы для обществ, которые могли утратить большую часть прежней инфраструктуры. Он предлагал инструменты для нового строительства, а не требовал вернуть старый мир. Во время последней большой консультации Волков просмотрел раздел неудач.

— Слишком маленький.

Рощина засмеялась:

— Я знала, что вы это скажете.

— Здесь хорошо описано, что произошло. Добавьте, почему люди были уверены, что всё получится. Иначе нас сочтут дураками и повторят то же самое по другой причине.

Раздел называли «Ошибки, которые казались правильными». Кравцов попросил копию и предложил зеркальную часть: решения, которые выглядели плохими, но помогли системе выжить. Через несколько месяцев Андрей Волков умер. Семья сообщила утром. Рощина сидела перед экраном, пока в комнату не вошёл Пак. Он посмотрел на неё и понял без объяснений. Исаев пришёл позже. Несколько минут они молчали.

— Что теперь? — спросил Пак.

Рощина убрала уведомление.

— Сегодня закончим без заседания. Завтра продолжим.

На похоронах было меньше людей, чем хотели приехать: так попросила семья. Тэра передала через Анну сообщение о сохранённом отношении, которое больше не может получить нового ответа.

Позднее один из приёмов проверки стали неофициально связывать с именем Волкова: «Если мы ошибаемся, что останется возможным после этой ошибки?» Точного источника формулировки не нашли. В архиве так и указали. Шли годы. «Узел наследников» всё чаще называли Сетью. Новые общества присоединялись, другие оставались вне её. Степень сходства с Землёй не определяла право на участие.

Наблюдаемость области N2 постепенно уменьшалась. Это могло означать изменение самой структуры, её сигнатуры или отношения к приборам. Объяснения о выполненной миссии оставались гипотезами. К сорок второму году программы прежнюю сигнатуру перестали различать даже лучшими доступными средствами. Повреждений, которые удалось бы связать с этим событием, не обнаружили.

Двумя годами позже собрались представители двадцати одной конфигурации. Они рассказали, что хотели бы сохранить и что готовы пересмотреть. Полного пересечения ответов не получилось. Тэра приехала очень старой. Анны уже не было. Её прежнее место в контактной группе занял человек, которого Тэра прежде не встречала.

«Ты являешься её продолжением?» — спросила она.

— Нет.

Тэра помедлила.

«Тогда мы можем познакомиться».

Рощина услышала перевод и улыбнулась. Чужую дружбу не пришлось наследовать как обязанность.

* * *

Елене Рощиной было семьдесят восемь, когда она оставила постоянную должность. Пак ушёл годом раньше. Исаев ещё консультировал, но всё реже.

Её опыт помогал быстро замечать слабые места. Иногда он мешал дожидаться решения, которого она сама не ожидала. Молодые исследователи проверяли мысли по её лицу, и это становилось лишним этапом работы. Доступ к рабочему архиву передали троим: физику Майе Орловой, инженеру Рену Сато и представителю Леды, использовавшему в общении с Землёй имя Эл.

Базовые данные у всех были полными и одинаковыми. К ним Рощина приложила разные подборки собственных комментариев, объяснив принцип отбора. Подлинники и история изменений оставались доступны. Превращать передачу архива в загадку с намеренно потерянными страницами она не собиралась.

— Что здесь главное? — спросил Рен.

— Я могу сказать, что было главным для нас. Что понадобится вам, ещё не знаю.

Майя задержалась после встречи.

— Вы жалели, что не спросили X23 о предназначении сети?

— Много раз.

— Почему не спросили?

Рощина посмотрела в окно.

— Боялась, что слишком быстро поверю ответу. Это было моё ограничение. Не превращайте его в метод: иногда лучше спросить, сохранить исходную формулировку и продолжить проверку.

— А сейчас спросили бы?

— Да.

Ответить на старый вопрос теперь было некому. Через четыре года пришёл запрос Майи: «Мы обнаружили объект». Рощина написала: «Поздравляю». Следующее сообщение содер-

жало изображение и осторожное уточнение: «Возможно, вы захотите посмотреть». Через два дня она приехала в Центр.

* * *

Первого кандидата нашли почти в четырёхстах световых годах от Солнца. Его обозначили X24, хотя Рощина сразу попросила этого не делать.

— Уже поздно, — сказала Майя.

На экране вращалось не телескопическое изображение поверхности, а модель, построенная по нескольким классам данных. В ней были большие неопределённые участки. Новая сеть наблюдения объединяла далёкие станции, архивные измерения и материалы обследований возле доступных транспортных узлов. Отдельно указывали время наблюдения на месте и время поступления записи.

За девять месяцев анализа выделили двадцать семь кандидатов. Их геометрические признаки частично напоминали X23. Активной передачи сообщений не обнаружили. Называть их сетью одинаковых машин было преждевременно.

— Почему мы раньше не замечали их? — спросила Рощина.

— Искали другие признаки, — ответил Рен. — Передатчики, транспортную активность. Эти структуры почти ничего из этого не показывают. И наши нынешние приборы видят больше прежних.

Распределение кандидатов сопоставили с известной историей контактов. Совпадения требовали проверки: сами наблюдательные программы чаще работали там, где уже было что-то интересное.

Майя предложила гипотезу пассивной инфраструктуры, сохраняющей возможность отношений. Она нравилась Рощине. Поэтому первым замечанием в рецензии стал вопрос, какое наблюдение заставит от неё отказаться.

Двадцать восьмой кандидат находился в двадцати трёх световых годах. На старых записях его не различали, на новых появился устойчивый признак. Если правильно учтено время распространения света, изменение произошло задолго до нынешней работы группы. Рен показал две даты: приём записи и исчезновение сигнатуры N2. Они почти совпадали.

— А на месте? — спросила Рощина.

Рен переключил шкалу. Совпадение исчезло.

— Хорошо, что вы оставили обе даты, — сказала она.

Объект всё равно оказался важным. Из его наблюдаемой структуры удалось выделить схему, напоминавшую сеть отношений. Часть связей соответствовала уже известным направлениям. Одна заканчивалась обозначением, которое можно было перевести в координатное отношение на расстоянии около девяти тысяч световых лет. Это не доказывало, что там существует цивилизация. Могли быть указаны старая запись, промежуточный узел или лишь допустимое направление. Временное обозначение было UX-1 — неизвестное отношение.

— Стоит устанавливать контакт? — спросила Майя.

— Сначала уточните, какой именно, — ответила Рощина. — Радиосигнал туда пойдёт около девяти тысяч лет. Для ответа потребуется ещё столько же. Если схема предлагает другой маршрут, его время и свойства нам пока неизвестны.

Эл вывел второй вариант: передать ограниченный пакет в доступный местный компонент древней инфраструктуры. Так уже отправляли физические сообщения. Но признание пакета на входе не означало доставки адресату.

— Значит, мы начнём историю, которую, возможно, придётся продолжать тем, кто ещё не родился, — сказала Рощина.

Майя нахмурилась:

— Если это запрещено, нельзя начинать ни дальние экспедиции, ни большие архивы.

— Верно. Поэтому одного слова «нельзя» здесь недостаточно.

* * *

Решение обсуждали почти три года.

Отказ тоже имел последствия: будущие общества могли лишиться возможности узнать об этом направлении. Но желание оставить наследство не давало права создавать любой риск за других.

Первые варианты пакета содержали слишком много — биологию, историю, местоположение, описание технологий. Затем предложили простейшую искусственную последовательность сигналов. И у него нашёлся недостаток: непонятная загадка могла на долгие годы занять внимание получателя, не дав ему способа разобраться с источником. Никакого нулевого воздействия не получалось. Удалось только ограничить содержание и не создавать постоянно действующий канал.

Сеть уже не имела общего правительства. Земля, Марс, Леда и S-4 подготовили отдельные сообщения в одном контейнере. На нём явно указывалось: участники независимы и не говорят друг за друга. А-1 не передавала собственного пакета, но разрешила сообщить о её сознательном молчании.

— Это тоже сообщение, — заметил Рен.

«Да. Мы принимаем это противоречие», — ответила А-1.

В контейнер не включили технологии и сведения о возможном будущем получателя. Указали ограниченные полномочия отправителей, неопределённость маршрута и отсутствие обязанности отвечать. Право не продолжать разговор не превращало отправку в безопасную по определению; риски обсуждали отдельно.

Передачу выполнил автоматический узел по решению уполномоченных участников. Оператор контролировал условия остановки, но символического человека, который «начал диалог за всех», выбирать не стали. За четыре целых восемь десятых секунды пакет ушёл во входной компонент. На экране появилось: «Принят к передаче. Доставка не подтверждена». Рощина ещё раз попросила сохранить эту формулировку без сокращений.

Через два года зарегистрировали изменение состояния входного компонента. Его интерпретировали как возможность установить дальнейшую связь, затем сигнатура ослабла до предела обнаружения. О судьбе пакета это не давало окончательного ответа. Майя приехала к Рощиной с отчётом. Они сидели на веранде. Рощина медленно перелистывала страницы, иногда возвращаясь к уже прочитанному.

— Вам обидно, что мы можем ничего не узнать? — спросила Майя.

— Да, — ответила она. — Только это плохая причина ускорять следующий опыт.

В последней рецензии Рощиной было замечание к слову «исчез». Она просила всякий раз указывать, что именно перестало наблюдаться и какими приборами. Спустя несколько лет Майя сама стала напоминать об этом новым сотрудникам. Рощиной уже не было.

* * *

Первый новый пакет пришёл через восемнадцать лет после отправки контейнера. Майе было около пятидесяти. Она успела сменить область работы, вернуться в программу и перестать воспринимать UX-1 как ожидание личного ответа.

Пакет появился на местном принимающем компоненте. Данные пути указывали на сеть отношений, а не на обычное распространение радио через девять тысяч световых лет. Время прохождения отдельных участков и возраст источника оставались неизвестными. Расстояние из исходной схемы по-прежнему нуждалось в независимом подтверждении. Первый блок переводили несколько недель:

«Мы обнаружили возможность ответа».

Он не содержал вопроса. Группа сохранила его и продолжила наблюдение, не открывая дополнительного автоматического обмена. Через девять лет пришло уточнение:

«Мы не можем определить, являетесь ли вы тем же субъектом, который создал первый сигнал».

Майя посмотрела на Эл.

— Хороший вопрос.

За двадцать семь лет исходные общества изменились. Некоторые разделились, другие пересмотрели способы представительства. Доставленный контейнер сохранил исходные сообщения, но это не делало нынешних участников его прежними авторами. Ответ составляли независимо, затем согласовали общую сопроводительную часть:

«Мы имеем доступ к истории отправителей, но не заявляем полной идентичности с ними. Некоторые из нас сохраняют их непрерывные институты, другие возникли после изменений. Мы можем продолжить как наследники сигнала. Или познакомиться заново».

Через два года другая сторона выбрала новую встречу.

Её обозначили М-5 — временно, по структуре самопредставления. Это тоже оказалось множеством, возникшим после долгого кризиса общей системы описания. Из их ограниченного рассказа следовало: разные группы пытались удержать одну модель, затем разошлись, а через столетия построили способы взаимодействовать без полного согласования.

— Похоже на нас, — сказала Майя.

— Не обязательно тем же путём, — ответил Эл.

Полные модели обменивать не стали. Сначала фиксировали различия, которые могли потеряться при переводе. Разговор шёл пакетами через инфраструктуру с переменной задержкой. Иногда между вопросом и ответом проходили месяцы, иногда годы; местный представитель не мог говорить за всё М-5 за пределами своих полномочий.

Наследники подчёркивали право выхода. М-5 чаще спрашивала, остаётся ли после выхода возможность вернуться. Людей различие интересовало как источник устойчивости; у М-5 его описывали также как постоянную цену независимости.

Третье разногласие касалось обязательств. М-5 приводила пример совместного восстановления биосферы: столетия расходов предшествуют пользе. Если каждый участник может в любой момент уйти без компенсации и переходного периода, обещание становится ненадёжным.

— Мы тоже не отменяем ответственность, — сказала Майя.

— Но в нашей общей формулировке это почти потерялось, — ответил Эл.

Они разработали матрицу необратимости. В ней различали обратимые действия, действия, обратимые лишь ценой существенных затрат, локально необратимые последствия и изменения, затрагивающие способность субъекта оценивать собственное решение.

Почти сразу возник вопрос: кто определяет класс? В итоге каждая сторона указывала собственную оценку и её основания. Расхождение требовало разбирательства, а не исчезало под общей цифрой. Майя думала о том, как легко полезная таблица могла стать способом запрещать чужие решения.

* * *

Вопрос М-5 о закрытых знаниях пришёл во время очередного обмена:

«Кто определяет, какую информацию допустимо скрывать от других ради их безопасности?»

Рен, уже оставивший постоянную работу, прочитал пакет и вызвался участвовать в обсуждении.

— Любую секретность можно объяснить безопасностью. А полную открытость — свободой. Нужен способ проверять обе ошибки.

М-5 передала историю технологии изменения эмоциональной значимости воспоминаний. Метод создавали для лечения. Позже обнаружили, что им можно управлять привязан-

ностями, страхом и общественными настроениями. Доступ закрыли, затем засекретили само существование технологии.

Через поколения болезнь, связанная с изменением среды, поразила миллионы субъектов. Метод мог помочь части из них, но хранители по-прежнему считали раскрытие недопустимым. Спор продолжался двести восемьдесят лет. Когда сведения стали доступны, общество было потрясено не только опасностью метода, но и ценой недоступного лечения.

Точных аналогий с человеческой медициной из этого рассказа не следовало. Но институты наследников имели похожую слабость: хранитель закрытого знания часто оказывался единственным судьёй необходимости его закрытия.

Майя предложила проверку архивов. Обоснование дальнейшего ограничения проверяли специалисты нескольких независимых направлений; отдельно защищали работу группы, которая искала основания снять ограничение. Учитывали как вред раскрытия, так и цену дальнейшего сокрытия. Личные медицинские сведения и чужую частную переписку не открывали лишь потому, что истёк срок технического допуска. В проверенной части фондов около трети материалов уже не нуждалось в прежнем уровне ограничения. В некоторых случаях никто не пересматривал статус десятилетиями.

У пакетов «Тантала» пропустили три очередные проверки. Большинство технических ограничений после анализа сохранили. Несколько исторических документов открыли с необходимыми изъятиями личных данных.

Рядом с закрытыми материалами стали размещать доступное обоснование: кто принял решение, какой риск установлен, где остаётся спор и при каких условиях потребуются пересмотр. Потеря обоснования вызвала срочную проверку, но не автоматическую публикацию содержимого. Среди открытых документов Майя нашла меморандум Волкова об ORIGIN-0.

«Если исследование однажды станет допустимым при новых знаниях, не считайте наш отказ доводом против него. Мы принимали решение для своего состояния знания. Если же основание риска исчезло только потому, что его забыли, сначала восстановите вопрос».

Ниже обсуждалась фигура, которую Ветров помнил возле предполагаемой границы. Волков допускал, что она могла относиться не к будущему человечества, а к иному типу физического отношения. Оснований выбрать эту версию тогда не было. Майя почувствовала желание немедленно проверить всё самой. Потом вернулась к началу документа и заказала полный контекст принятого решения.

* * *

Восемь месяцев ушло на восстановление истории записей.

Различали журналы «Горизонта-4», материалы найденного аппарата, клинические рассказы Ветрова и его позднейшие реконструкции. Они имели разную достоверность. Число, записанное спустя годы по памяти, нельзя было выдавать за точную отметку прибора.

Ветров несколько раз возвращался к фигуре. Она не всегда повторяла его позу. В одном рассказе после поднятой руки он заметил ответное движение примерно через две секунды. Сам исключил это из основного отчёта: повторить наблюдение не удалось, оценка задержки была субъективной. Другие записи описывали ощущение взаимного наблюдения. Слова «мне показалось» при последующем цитировании часто исчезали. Майя вернула их в подборку.

Восстановленный сенсорный комплекс действительно давал паразитное изображение, но известный эффект не объяснял весь рассказ. Это не делало фигуру доказанной. Сочетание ошибок восприятия, прибора и поздней памяти оставалось возможным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.